

Глава VI

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛОПАРСКОГО НАРОДА

Откуда взялся лопарский народ и в силу каких причин поселился в тех областях, которые он в настоящее время занимает, мы не знаем и не находим ответа на эти вопросы и в исторических сочинениях. Предположить, что лопари произошли от шведов, совершенно невозможно, т.к. нет ничего общего между теми и другими ни в строении тела, ни в характере, ни в языке, ни в верованиях, ни в обычаях. Всякий, кто хоть раз видел лопаря, не сможет усомниться в том, что они принадлежат к какому-то совсем иному племени. Точно так же нельзя предположить, что они произошли от русских, или московитов, т.к. с ними у лопарей не больше сходства, чем со шведами. Русские в большинстве случаев отличаются высоким ростом, лопари же приземисты и малы, русские крепкого телосложения и часто полны, лопари же худощавы и мелки, волосы у русских густые, бороды окладистые, у лопарей – короткие и редкие, наконец, цвет лица у русских чаще румяный и здоровый, у лопарей же буроватый и землистый. Что касается языка лопарей, то в нем нет ни малейшего сходства с русским.

Иоанн Торней энергично подчеркивает различие между этими двумя народами. "Лопари не могут происходить от русских, – говорит он. – Русский строит себе дом, обрабатывает землю, имеет коров и лошадей, ничего этого нет у лопаря, этим он не занимается и не заботится об этом. Кроме того, между языками этих двух народов нет ничего общего". Из всех соседних народов, которым можно приписать родство с лопарями, остаются еще норвежцы и финны. Что касается норвежцев, то к ним можно отнести все сказанное уже о шведах в виду общности их происхождения. Таким образом, остается лишь единственная возможность предположить, что лопари происходят от финнов.

Такого же взгляда держался и Вексионий. "Лопари, по-видимому, являются отпрысками финнов", – говорит он в своем "Описании Швеции" и несколько далее: "Лопарский народ вышел, вероятно, из Финляндии, где один приход даже до сих пор называется Лаппио (Lappio). Эта последняя ссылка на будто бы существующий там приход, предполагаемую прародину лопарей, кажется мне лишеной серьезных оснований. Что же касается высказанного им мнения о родстве лопарей с финнами, то оно представляется весьма вероятным и разделяется большинством ученых. В числе этих последних следует особенно упомянуть Германа Конринга, который высказывается по этому вопросу следующим образом: "Лопари по всей вероятности пришли в Северную Европу из Азии, т.к., по-видимому, они одного происхождения с финнами и самоедами".

Мне кажется, что это мнение может быть подтверж-

дено рядом доказательств. Начнем хотя бы с того, что сами лопари называют себя Sabmi или Same, финны же, как известно и как указывал уже Вексионий, называют себя Suomi. Очевидно, что между этими словами почти нет разницы и отличие сводится лишь к существованию двух диалектов.

Далее, у обоих народов сохранилось предание об общем родоначальнике, которого и те и другие называют Юми (Jumi). "Из рода в род, – говорит Иоанн Торней, – передается у них древнее предание о прародителе всего народа по имени Юми". То же самое он рассказывает о финнах: "В старину финны считали своим родоначальником некоего Юмо". Эти предания, сохранившиеся в народе с древнейших времен, как нельзя лучше подтверждают мысль об общем происхождении этих двух народов. Еще более доказывает это язык, который хотя и не совсем одинаков у обоих народов, но в смысле основных форм и корней представляет полное тождество. Так, например, Бог по-фински – Jumala, по-лопарски – Jubmal, огонь по-фински – tuli, по-лопарски – tolle, гора у одних – wuori, у других – warra и т. п.

Дальнейшие доказательства родства этих народов можно почерпнуть из наблюдения над их наружностью и обычаями. Финны, подобно лопарям, приземисты, черноволосы, с широкими скуластыми лицами. Отдельные мелкие различия легко объясняются разницей климатических и бытовых условий и ничуть не противоречат мнению об общности происхождения. Даже одежда финнов немногим отличается от костюмов лопарей. Для примера я помещаю здесь изображение финна древних времен в том виде, в каком он изображен на стене Сторекирской церкви в Эстерботнии, где запечатлена сцена убийства епископа Генриха язычниками – финнами. Если сравнивать его костюм с одеждой лопарей, которая подробно будет описана мною в главе 17-й, то будет ясно, что между ними почти нет никакой разницы.

Наконец, самый характер представителей обоих народов имеет большое сходство. Финны, подобно лопарям, как говорит Вексионий, более трудолюбивы вне дома и за пределами своей земли, в домашней же обстановке любят предаваться безделью. Как уже было указано, лопари также принимаются за работу лишь под давлением крайней необходимости. Финны, по словам Вексиония, упрямы и упорны, точно таковы же и лопари, в особенности, когда что-нибудь возбуждает их подозрительность или жажду мести. Финны суеверны и склонны к колдовству, про лопарей это можно повторить в еще большей степени. Поэтому-то Олаф Магнус говорит сразу о двух этих народах: "Северные страны, Финляндия и Лапландия, некогда так погрязли в языческих суевериях и колдовстве, как будто самим персом Зороастром были наставлены в этой дьявольской науке".

Прибавлю к этому, что описание финнов, сделанное в древности Тацитом, вполне может быть отнесено к современным нам лопарям: "У них нет ни оружия, ни коней, ни домашних богов (пенатов), пищей им служат травы, одеждой – звериные шкуры, ложем – земля. Всю надежду свою возлагают на стрелы, наконечники которых за неимением железа делают из костей. Охотой занимаются и мужчины и женщины.

Для детей единственной защитой от диких зверей и дождя являются какие-нибудь дупла деревьев или сень ветвей. Туда же приходят юноши, тут же находят приют и старцы. Они считают себя счастливее тех, которые вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждою чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно желать" ("Германия", гл. 46).

Почти теми же словами, как и современных нам лопарей, описывает финнов и Саксон Грамматик: "Финны, самый крайний из живущих на Севере народов, занимают области, почти непригодные для житья и обработки. Они пользуются с необычайным искусством метательным оружием, дротиками и стрелами, с необычайной ревностью занимаются колдовством, средства к жизни добывают охотой, ведя кочевой образ жизни, не имеют постоянных жилищ, а переходят с места на место вслед за дикими зверями, передвигаются на санях по снежной равнине, разбивая на ней свои остроконечные жилища". В этом описании древних финнов мы видим почти точное воспроизведение образа жизни современных лопарей, так что после этого почти не остается сомнений в тождестве их происхождения.

Сверх того, надо заметить, что датчане и норвежцы и поныне называют финнами живущих на севере Норвегии лопарей, почему, например, и в "Описании Норвегии" Петра Клауда заглавие 28-й главы, повествующей о норвежских лопарях, читается так: *Om Finnerne*, т.е. о финнах. Этих "финнов" он делит далее на *Siofinnar*, т.е. приморских финнов и *Larrefinner* – лаппофиннов, или лопарей. Там же встречаются у него следующие слова: "На горных хребтах, отделяющих Швецию от Норвегии, живут лаппофинны (*Larropfinnones*), почему эта часть страны называется Лаппмаркен (*Larpremarkia*)". Не ясно ли, что эти "лаппофинны" суть не кто иные, как лопари, названные так лишь потому, что они происходят от финнов.

Нечто подобное можно вывести и из принятого у русских названия этого народа. Дело в том, что кроме обычного у русских названия "лопари" (*Larri*), или дикие лопари, они пользуются еще иногда термином "кайены" (*Kajenni*), а всю Лапландию зовут "Кайенскою землею"

(*Kajenschaja semla*). Смысл этого названия станет ясен, когда мы вспомним, что Кайене есть часть так называемой Великой Финляндии. Вексионий в своем "Описании Швеции" пишет: "Великое княжество Финляндское включает в себе меньшие княжества, или области, – Феннингию, Тавастию, обе части Карелии и Кайяну (*Sajania*)". Из этого видно, что и русские причисляют лопарей к финнам. Но, может быть, кто-нибудь возразит нам: "Как могут лопари происходить от финнов, когда они (лопари) трусливы и не воинственны, а финны известны своей храбростью и военными доблестями, кроме того, лопари худы

и малокровны, а финны, наоборот, крепки и часто даже толсты?" Однако, я думаю, это возражение легко опровергнуть. Разве неизвестно нам, что род и количество пищи могут значительно изменить внешний вид тела. В образе жизни финнов многое может способствовать развитию полноты, лопари не лишены всего этого. Поэтому я считаю это возражение неудачным.

Не большее значение имеет и указание на воинственность финнов. Повидимому, они вовсе не отличались этим качеством в те древние времена, когда часть их отделилась для колонизации Лапландии. Недаром же Тацит называет их безоружными: "У них нет ни оружия, ни коней". Этим он как бы хочет сказать, что ведение войн не свойственно им. Да и теперь они вовсе не так уж воинственны, как думают.

Во время рекрутских наборов, как подтверждается ежедневным наблюдением и даже официальными актами, они скрываются и всяческими способами стараются уклониться от военной службы. Поэтому, я думаю они оказываются хорошими солдатами не столько благодаря природной склонности к военному делу и врожденной воинственности, сколько путем упражнения, обучения и дисциплины, которой они подчиняются действительно образцово.

В природных же склонностях между ними и лопарями нет существенной разницы.

В конце концов, следует отметить, что даже сами лопари, мнение которых

в данном случае заслуживает полного доверия, считают себя выходцами из Финляндии. Из поколения в поколение передается у них до наших дней это предание, подтверждаемое еще и тем, что в нем сохранились даже имена вождей, под предводительством которых совершился этот исход. Мы находим упоминание об этом у Олафа Петерсона Ниурения: "Сами лопари производят себя от некоего Миескогиеске (*Mieschogieseh*). На вопросы мои, кто он был и откуда появился, они могли лишь ответить, что из преданий отцов и дедов они ничего иного не знают об этом, кроме того, что некогда он переселился в эту область из Финляндии".

Аналогичное сообщение сделал недавно один гражданин города Питео Андрей Андерсон, бывший эконом лопарской школы, пользовавшийся исключительной любовью и уважением лопарей. В его рассказе лишь изменено имя вождя, он назван там Тинсом Когре (Thins Kogreh), факт же выхода из Финляндии остается неизменным. По этому поводу Захария Плантин в предисловии к своей рукописи пишет следующее: "Более развитые из лопарей сообщили ему (Андерсону), что некогда народ вышел из Финляндии под предводительством Тинса Когре". Это не встречавшееся мне до сих пор имя вождя представляется мне чем-то новым и едва ли приемлемым.

Вообще трудно поверить, чтобы имя древнего, полу-мифического вождя могло неприкосновенно сохраниться в памяти народа на протяжении целого ряда веков. Приходится предполагать, что он жил еще до Саксона Грамматика, который уже упоминает о лапландцах, а деятельность самого Саксона следует отнести ко времени, почти на 480 лет предшествующему написанию этих строк. Даже сами финны едва ли помнят с точностью, что происходило у них в эту отдаленнейшую эпоху, и тем более странно ожидать от лопарей сохранения в неприкосновенности относящихся к ней фактов. Наконец, и само имя Тинс (Thins) заставляет сомневаться в его подлинности, т.к. никто не сможет убедить меня в его древнефинском происхождении, несомненно, оно соответствует шведскому Thinis и голландскому Ninius, а это, как уже давно было доказано, обозначает не что иное, как Антоний (Anthonius). Но невозможно допустить, чтобы имя Антоний стало известно финнам до введения у них христианства.

С большим сомнением я отношусь также и к причине, вызвавшей выселение лопарей из Финляндии, которая приводится в наши дни некоторыми авторами.

Захария Плантин, например, говорит следующее: "По преданию, причиной переселения было недовольство властями. Измученные невыносимыми поборами и налогами, они оставили своих родичей в Тавастии около Броккарло (Brokarla) и Ренгоары (Reungoarius) и вступили в громадный лес, называемый Тавастским. Лишь позднее они добрались до дикого побережья Ботнического залива, примыкающего к Эстерботнии. Там после долгих блужданий они впервые осели".

Все это не согласуется со значением слова лопари (Lappi), означающего, как они сами говорят и что мы уже доказали ранее, изгоев, изгнанников. Этот термин едва ли приложим к тем, кто сам, по собственной воле бежал от тяжелых податей. Но, говорят, они были названы так потому, что впоследствии были согнаны с этих, занятых ими мест и оттеснены в более отдаленные. Так объясняет это далее в своей рукописи Плантин: "Их прежние земляки и сородичи, негодующие ли на бесчестное бегство их из родной страны или же движимые жадностью и завистью, напали на них под предводительством некоего Матвея Курка (Matthia Kurk) и завязали с ними ожесточеннейшую войну, убивая, грабя, оттеснили их с занятого ими побережья сперва к богатым рыбой рекам Торнео и Кими (Kimi), а затем и в те пустынные и гористые области, которые они теперь населяют".

Так описывает это Плантин со слов самих лопарей, прибавляя при этом, что вышеупомянутый Андрей Андерсон видел старинные документы, в которых один из лопарских начальников назывался Курк. Об этом упоминает также и его отец Олаф Петерсон Ниурений. Его рассказ, хотя и несколько длинен, но все же стоит того, чтобы быть приведенным здесь.

"Однажды несколько финских семей из Биркалы и

Ренго скрылись в Тавистском лесу и оттуда переселились на побережья Эстерботнии, где находились Нерпис и Мустасара, бывшие тогда еще никем не обитаемыми. Там, свободные от тягот и поборов, которые они терпели на родине, финны стали жить спокойно и счастливо, добывая много добычи, которую они ежегодно стали продавать своим прежним сородичам. Вследствие этого они сильно разбогатели, стали носить роскошное платье, изысканно питаться, обзавелись сокровищами и украшениями всякого рода, чтобы доказать сородичам, как счастливо и хорошо они зажили.

Видя все это, их прежние земляки тавасты, движимые завистью, избрали некоего Матвея Курка своим предводителем, громадной массой вторглись в области, занятые переселенцами, и принялись разорять их и грабить до тех пор, пока те не вынуждены были бежать из своих поселений на реки Торнео и Кими. Узнав, однако, через несколько лет, что беглецы недурно устроились в этой новой области, они снова напали на них и гнали их так бесчеловечно, что тем пришлось, бросив стада и захватив лишь сети, удалиться в те суровые и дикие пустыни, которые они сейчас населяют".

Прочитав это, всякий поймет, что этот рассказ создан в недавнее время, не говоря уже о фамилии Курк, которая отнюдь не древняя и не встречалась никогда среди старинной знати, само имя Матвей (Matthias) могло появиться только после введения в Финляндии христианства. Иначе откуда могло взяться такое имя. Оно не встречается нигде среди языческих имен, которых мы знаем множество, ни у древних историков, ни в каких-либо памятниках.

Допустить же, что лопари так поздно проникли в те земли, где мы их сейчас встречаем, совершенно невозможно. По рассказу выходит, что до их прихода эти земли были совершенно необитаемы, а нам известно, что еще в дохристианские времена там жили биармы и скридфинны, из которых последние, как видно из самого их имени, были выходцами из Финляндии.

Эти финны жили на Севере уже во времена норвежского короля Гаральда Красивого, или Гарфагара, и сына его – Эрика Блодоксе, т.е. задолго до введения христианства.

О походе этого последнего упоминает в своей "Истории" Стурлесон: "После того поплыл Эрик Блодоксе на север к Финмаркену и далее в Биармию, где сражался с биармцами, одержал над ними победу и взял богатую добычу".

Если он отплыл по морю из Норвегии к северу и прибыл в Финмаркен, то значит, что в ту эпоху Финмаркен, как и сейчас, находился к северу от Норвегии, на морском побережье, словом, это была та же самая область, которая и теперь носит это название. Так как и тогда она уже была населена, и притом именно финнами, как показывает ее название, то напрасно думать, что она была впервые заселена лишь лапландцами, выгнанными Матвеем Курком из Южной Ботнии. Очевидно, не это изгнание послужило причиной того, что они стали называться лопарями (Lappi – изгой), ведь уже во времена Саксона Грамматика они назывались так, доказать же мне, что поход Матвея Курка относится к более ранней эпохе, я думаю, никому не удастся.

Менее всего убедительны для меня те письменные документы, в которых будто бы упоминается имя Курка,

так как в те времена не могло быть и речи о каких бы то ни было записях таких событий. Поэтому следует искать иное начало этого переселения и другие причины изгнания лопарей, давшие им это имя, обозначающее отщепенцев, изгоев. Я думаю, что выселение финнов в Лапландию произошло не за один раз, а в несколько приемов. Это, между прочим, доказывается и тем, что в предании сохранилось не одно имя вождя, а несколько, как, например, Тинс Когре и Миескогиске.

Первым и древнейшим выселением было, по-видимому, то, которое дало начало биармцам. Что биармцы были народом финского происхождения, не подлежит ни малейшему сомнению, это подтверждается тем, что они называли своих богов финскими именами, сходствовали в обычаях, в образе жизни и в национальных чертах с древними финнами и, наконец, для всех иностранцев были скридфиннами (skridfinni), т.е. финнами, скользкими по снежному покрову. Некоторые авторы и самих финнов называли биармцами. Впрочем, само имя Биармия, как указывает Иоанн Бурей, происходит от исковерканного финского слова *vaama*, т.е. горная область, биармцы были прозваны так вследствие того, что были отеснены на север в гористую местность.

Как было только что сказано, соседние народы чаще называли их скридфиннами (Skridfinni или Skriidfinni), зная, что они широко пользуются деревянными лыжами для бега по замерзшим снегам, что у шведов и их ближайших соседей передается словами *attskriida* (на лыжах). Поэтому они называли этот народ непонятным им термином скридфинны, а не биармцы, т.к. это название, будучи финского происхождения, не было им известно. Вследствие общности происхождения финны и биармцы в древности находились под властью одних и тех же правителей. Так, например, в эпоху короля Гольтера (Holteri Regis) Финляндией и Биармией правил некий Кузон (Cuso), как сообщает Саксон Грамматик.

Какова была причина этого выселения, нам, однако, не ясно. Можно лишь предположить, что оно было вызвано страхом перед шведами, начавшими наступление на финнов еще в царствование короля Агна (Agni Regis). В летописи исландца Стурлесона так описаны события той эпохи: "Король Агн отправился в поход на Финляндию и сразился с их королем Фросте (Froste), которого со всеми подвластными ему полчищами одолел в битве и, опустошив страну, вывез из нее богатейшую добычу".

Перейдем теперь ко второму переселению, которое я отношу к той эпохе, когда русские с оружием в руках покорили все восточные области вплоть до Ладожского озера. Нет сомнения, что именно тогда часть финнов, утраченная необычайной жестокостью, которая всегда отличала русских, покинула родные места и выселилась на север, в Лапландию. Это предположение кажется мне особенно правдоподобным, потому что лопари известны у русских еще под именем кайянов (Kajenni), о чем я уже говорил выше, а это можно себе объяснить лишь тем, что, по их сведениям, лопари вышли из области Кайяне.

Эти сведения русские могли почерпнуть только из своего собственного опыта, т.к., вообще говоря, они (русские) настолько несведущи в истории не только других народов, но даже и в своей собственной, что о всех мало-мальски древних событиях, происходящих в их стране, не имеют ни малейшего понятия.

Этот непосредственный опыт не могли дать именно войны, которые они вели с финскими племенами, главным образом, с каянами. Все это могло произойти около VI века от Р.Х., т.к. именно в эту эпоху русские распространили свое влияние на вышеупомянутые области.

По той же причине шведами и датчанами все эти племена назывались собирательным именем финнов или, более точно, приморскими финнами (Sioefinni) и материковыми финнами (Feldfinni), т.к. более старое название "биармцы" постепенно вышло из употребления. Это случилось, вероятно, в эпоху норвежского короля Гаральда Гарфагара, который разбил биармцев в одной из битв и разгромил их настолько, что могущество их навсегда было подорвано.

В летописи Снорре так рассказывается об этом: "Оттуда он (Гаральд Гарфагер) поплыл по направлению к Финмаркену на север до самой Биармии, где произошло сражение, из которого он вышел победителем, захватив богатую добычу". Из этой цитаты можно заключить, что пострадали от набега Гаральда одни биармцы, финны же остались невредимыми в Финмаркене, после чего, по всей вероятности, биармцы захирели и само имя их было предано забвению.

Все это произошло еще задолго до того, как появилось в истории современное название народа – "лопари". В эту эпоху оно еще нигде не упоминается, вместо этого говорится лишь о финнах, скритофиннах и биармцах.

В последующую эпоху появляется, наконец, и термин "лопари". Правда, мы еще не находим его в трудах Адама Бременского (конец XII в.), но зато уже у Саксона Грамматика, жившего около 1200 г., оно впервые упоминается. Поэтому я считаю довольно правдоподобным, что третье переселение, после которого эти племена стали называться лопарями, произошло именно в промежуток времени, заключенный между двумя вышеприведенными датами.

Если внимательно вчитаться в историю этого периода, то едва ли можно остановиться на иной причине, которая могла бы послужить поводом к третьему выселению финнов, чем поход шведского короля Эрика Святого в Финляндию, подчинившего эту страну шведскому владычеству и способствовавшего распространению в ней христианства. Это событие произошло в 1150 г. и, наверно, побудило значительное количество финнов выселить-

ся на север в Лапландию, как для того, чтобы избежать чужеземного владычества, так и с целью уклониться от принятия новой религии, которая ничего общего не имела с их собственной – унаследованной от предков – и была поэтому им ненавистна. Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах известная часть финнов была вынуждена искать спасения в выселении. Так же нетрудно понять, почему эти переселенцы получили от оставшихся имя "лопарей", т.е. изгоев, изгнанных.

Дело в том, что основное население Финляндии, принявшее христианство и подчинившееся власти шведов, стало считать их беглецами, которых боязнь шведского могущества и ненависть к христианству заставили бежать с родины и превратиться в изгнанников. К этому присоединился еще королевский эдикт, уже на самом деле осуждавший на изгнание и отлучение всех, кто не желал отречься от языческих суеверий.

Таким образом, они получили свое нынешнее имя (лопари, Lappi), которое и теперь еще они не могут равнодушно слышать, считая его оскорбительным.

Меня не убеждают теории некоторых ученых, пытающихся произвести их от татар, т.к. в истории до сих пор ничего неизвестно о переселениях татар на север, да и народ этот (татары) ведет воинственный и хищнический образ жизни, основанный на грабежах и набегах. В противоположность этому, лопари занимаются скотоводством и охотой и ко всякой войне относятся с отвращением.

От жителей Финляндии имя изгнанного народа переняли и шведы, и датчане, а следовательно, и Саксон Грамматик, затем Циглер, бывавший в Швеции, и Дамиан Гоен, заимствовавший его от Олафа и Иоанна Магнусов.

Таким образом, это имя стало относиться ко всему народу, обитающему в области, простирающейся на север от Ботнического залива, особенно когда она вся была подчинена Швеции, за исключением небольшой прибрежной части Северной Норвегии – Финмаркена, где сохранилось старинное наименование, и восточной области, прилегающей к Белому морю, жители которой московитами (русскими) зовутся каянами (Kajnni), хотя они называют их также и лопарями (Loppi), что, вне всякого сомнения, было позаимствовано ими от соседних финнов.

Таков мой взгляд на происхождение лопарского народа и на историю их переселения в Лапландию.

